

Сколько шагов до могилы прораба Заева?

Но вернемся в тоннель под КМК, который строился, как вы помните, как транспортная артерия. Нынче утилитарное значение самого длинного и по наше время автомобильно-пешеходного тоннеля (54 метра в длину и 10 в ширину) абсолютно не объяснимо. В него вбухали громаднейшие по тем деньгам 6 миллионов рублей, забили 800 дополнительных свай, потому что по ходу строительства выяснилось, что ведется оно на пльвуне. Зачем?

Вообще, “прозорливость”, с которой строился КМК и в частности тоннель под его 25-ю железнодорожными ветками, как в капле воды, отражает происходившее в СССР.

Тогда виделось, что тоннель был просто необходим. Верхняя колония была главным районом города. Еще в декабре 1929 года здесь запущен генератор в 40 киловатт, осветивший улицы Коммунальную, Тельбесскую. Орлиная, где угнездятся иностранные спецы, еще строилась, как и первая в городе гостиница (пять этажей, горячая вода и ванны в номерах, а еще ресторан, где девушки в белом под лепными потолками разливали разные напитки в граненый хрусталь, кинозал и аптека), общежитие для молодых рабочих и школы № 37, 34, 35 для них (начальные), а потом запустили первую на Кузнецкстрое среднюю школу № 2 на восемьсот, между прочим, мест. После работы молодежь строила здесь свой стадион и Сад металлургов (сад Курако) - еще сегодня, если повернуть налево, можно найти в сорном осиннике остатки бывшего фонтана.

Здесь, на Верхней колонии, открывается первая в нашем городе обувная фабрика, шившая знатные кирзовые сапоги, рабочие ботинки и нужные в деле строительства спецовки и верхонки. В мае 1928 года открывается первая же в городе амбулатория - изолятор на 15 топчанов. Потом под больницу отдадут несколько рубленых барачков, из которых вырастет поликлиника № 3 в начале улицы Тельбесской.

Не могу не сказать о том, что в годы войны в гостинице на Верхней колонии расположился эвакогоспиталь № 3626, начальником которого была майор меди-

цинской службы Барбара Яворская. На исходе 1943 года она выпросилась на фронт - просто не могла иначе, потому что там сражался её сын Рэм (выпускник, к слову, школы № 2). В разрушенной Одессе, где ее назначили начальником одного из госпиталей, произошло чудо: сына, жестоко израненного, привозят к матери, и она его день за днем выхаживает.

Рэма Леонидовича я помню хорошо - он был ректором пединститута, педакадемии по-нынешнему. Крут был по-фронтовому. Однажды некий молодой человек (не буду называть имя - уже не имеет смысла), мягко говоря, задержался, задержав всех его ожидавших. Рэм Леонидович спокойно (пока!) попенял ему на это. Молодой человек заявил, что он философ. И тут Рэм Леонидович уже жестким голосом проговорил: “Ты не философ, ты - философствующий дурак” (тут было другое слово из пяти букв).

Но мы отвлеклись от мысли, что Верхняя колония разрасталась вместе с внезапно (отчасти это так - изначально планировалось нечто другое) разросшимся комбинатом. И город стал “сползать” со Старцевой горы вниз - в Нижнюю колонию. Вот зачем был нужен тоннель. Его строительство, напомним, началось в 1931 году, в следующем - 1932-м - начали запускаться основные цеха. Руководство Кузнецкстроя торопило Кожевникова, Ушатина и Заева, каждый из которых строил тоннель на своем участке...

На 345-м шаге (читаю в Интернете) тоннеля, напротив второй проходной КМК, висит табличка “Здесь погребен прах А.М. Заева, производителя работ на верхнем участке тоннеля” (у нас получилось 646 шагов на весь тоннель, табличка была на 415-м шаге - видно у кого-то ноги длиннее). Это нечто уникальное для города, но очень характерное для Советской страны, ее культуры.

Вспомните мавзолей-зиккурат, возведенный безбожниками на Красной площади. “Мифологическому мышлению свойственно отмечать святое место сакральными могилами”, - пишет историк и культуролог Ирина Рещикова. Наверное, неслучайно коммунистическую идеологию

сравнивали с религией, а “Моральный кодекс строителей коммунизма” буквально списали с десяти заповедей библейских.

Похороны прораба Заева вообще описываются в мифологическом тоне. Вот одно из них: “Был жгучий морозный вечер, безветренный, какие бывают только в алтайских горах (масштаб планетарный. - С.М.)... Обитый кумачом гроб прораба бережно опустили в могилу и засыпали речным щебнем... На щебень поставили четыре жаровни с коксом, чтобы влажная галька не смерзлась, а поутру залили бетоном, возведя вскоре на этом месте бетонную стену...” Совершенно мистические четыре жаровни, ночь у гроба покойного, чтобы завершить погребение, едва рассветет. Словом, усыпальница - не фараона, а в духе новой веры землекопа. При этом будто бы Заев перед смертью (как в советском кино умирающий красный командир) завещал(!) похоронить себя в тоннеле, “чтобы избежать разрыва со стройкой... чтобы не уйти бесследно в пустоту”.

Пишущих это совсем не смущает, что на могильной плите А.М. Заева стоит дата захоронения - июль 1933 года (“был жгучий морозный вечер”). Мифологическому мышлению такие мелочи неинтересны.

А вот желание прораба как бы “раствориться в производстве, стать его частью” - совсем другое дело. Это как у Гайдара: “Летят самолеты - привет Мальчишу, идут пионеры - салют Мальчишу...” Это тот Гайдар, что сложил голову за советскую Родину, а не тот, кто ее разрушил.

Савва Михайлов.